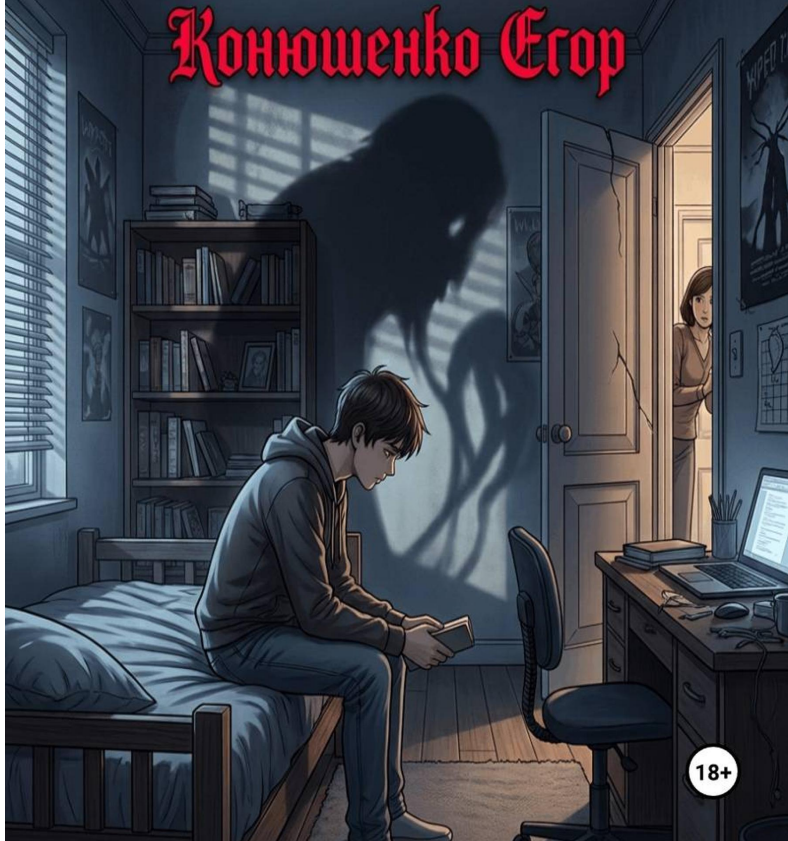

Рождение Американского Психопата Конюшенко Егор

18+

Егор Конюшенко

Рождение Американского

Психопата

<https://litres.ru/74298854>

SelfPub; 2026

Аннотация

Маленький Кристиан растёт в доме, где вместо тепла — тишина, а вместо понимания — холодное равнодушие. Единственное, что всегда с ним, — его собственная тень, которая иногда задерживается на мгновение дольше, чем должна, будто живёт отдельной жизнью. Пока родители спорят и отворачиваются, а мир вокруг остаётся чужим и жестоким, мальчик всё чаще обращается к этому тёмному спутнику. Но что, если тень — не просто игра света, а нечто большее, и она ждала не его внимания, а момента, чтобы заговорить первой?

Содержание

Глава 1. Тень	4
Глава 2. Круги ада	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Рождение Американского Психопата

Глава 1. Тень

Дом номер сорок семь на Лейквью-драйв стоял на отшибе, прижатый к самой кромке шоссе. Снаружи он казался обычным: белый сайдинг, потемневший от времени и дождей, крыльцо с одной оторванной доской, чахлый куст сирени у входа. Внутри пахло затхлостью и жареным луком, но этот запах уже перестал быть запахом — он вьелся в обои, в деревянные полы, в самую кожу обитателей.

Кристиану было три года. Он сидел в центре гостиной, на выцветшем ковре с длинным ворсом, и смотрел на коробку с игрушечными машинками. Отец купил её на прошлой неделе, не глядя, просто бросил в тележку в супермаркете, потому что мать сказала: «Ему нужны игрушки». На коробке был изображён пожарный грузовик с мигающими огнями, и красный цвет казался таким ярким, что почти резал глаза. Кристиан открыл её, вытащил грузовик, повертел в руках, поставил на пол — и оставил там. Ему не хотелось нажимать на кнопку, чтобы загорелся свет. Ему не хотелось катать его по ковру, издавая звуки сирены. Он смотрел на машинку, как смотрят на камень, который только что подобрали на улице,

— с любопытством, но без всякого желания. Любопытство длилось секунду, а потом растаяло, как сахар в горячем чае.

Мать, Дора, стояла у кухонной стойки и чистила картошку. Нож соскальзывал с влажной кожуры, и она ругалась сквозь зубы, едва слышно. Ей было двадцать пять, но выглядела она на все тридцать: тонкие руки, тёмные круги под глазами, волосы, собранные в небрежный пучок на затылке. Она изредка бросала взгляд на Кристиана, но по большей части смотрела в окно, на серое небо, где собирались тучи. Ей хотелось, чтобы он подошёл к ней, потянул за подол, сказал что-нибудь, но он не подходил. Он сидел на месте, разглядывая свои пальцы, и даже не плакал.

В дверях показался отец. Мелвин Спенсер, тридцать лет, офисный менеджер в компании по продаже автозапчастей, подтянутый, с аккуратной стрижкой и лицом, на котором редко можно было прочесть что-то кроме усталого раздражения. Он снял пиджак, повесил на спинку стула и взглянул на сына.

— Что он делает? — спросил Мелвин, не оборачиваясь к жене.

— Сидит, — ответила Дора, не поднимая глаз от картошки.

— Молчит?

— А когда он у нас разговаривает?

Мелвин подошёл к Кристиану, наклонился и посмотрел ему в лицо. Кристиан поднял голову — серые глаза, почти

прозрачные, взгляд ровный, без тени улыбки или страха. Отец выдержал этот взгляд пару секунд, затем выпрямился и пошёл к холодильнику, открыл банку пива.

— Слушай... ну он у нас вообще нормальный? — спросил он, скорее утверждая, чем спрашивая.

— Нормальный, — тихо ответила Дора, но голос её дрогнул.

Кристиан не понимал, о чём они говорят. Он слышал звуки, но они не складывались в слова, а если и складывались, то проходили сквозь него, не задевая ничего внутри. Он смотрел на свою тень, которая лежала на ковре, чуть левее от него. Свет от лампы падал сбоку, и тень была чёткой, почти чёрной. Кристиан шевельнул пальцем — тень шевельнулась вместе с ним. Это было правильно, так и должно быть. Но когда он опустил руку, ему показалось, что тень продолжала двигаться ещё долю секунды. Будто она не сразу поняла, что надо остановиться. Будто она жила своей жизнью.

Он не испугался. Он просто уставился на неё, прищурившись, пытаясь поймать момент, когда она снова сделает это — задержится. Но тень послушно повторяла каждое его движение. Уже несколько недель он замечал это: иногда, в самом углу глаза, тень как будто отставала на один шаг, как будто шла чуть медленнее него. Он не говорил об этом никому, потому что не знал, как сказать. Слова были для него чужими. Он молчал, и тень молчала, но молчание их было разным.

Дора наконец закончила с картошкой, вытерла руки о пе-

редник и подошла к сыну. Она присела перед ним на корточки, взяла его за плечи. Руки у неё были холодные и пахли водой.

— Кристиан, — позвала она мягко, но голос был натянутый, как струна, которая вот-вот порвётся. — Ну чего ты не играешь? Смотри, какая машинка. Классная же, а?

Она взяла грузовик и поставила его на ковёр, покатала вперёд, издала губами звук сирены: «Ву-ву-у-у!» Кристиан посмотрел на машинку, потом на мать. Её глаза были голубые, чуть влажные, как будто она ждала от него чего-то такого, чего он не мог дать. Он взял грузовик, покрутил его в руках и положил обратно на ковёр. Аккуратно, на то же место.

— Не хочешь? — спросила Дора, и в голосе появилась тонкая трещинка.

— Не-а.

— Почему?

— Ну... я не знаю, — сказал Кристиан. Слова выходили ровные, без интонации, как будто он просто повторял заученный звук.

Дора вздохнула. Она провела рукой по его волосам — светлые, тонкие, ещё детские, — и поднялась. Кристиан не повернул головы вслед за ней. Он смотрел на тень на ковре. Теперь, когда мать ушла на кухню, свет стал другим, и тень удлинилась. Она дотянулась до края стола, и там, где стол соприкасался с полом, тень как будто сломалась, перегнулась под странным углом. Кристиан медленно поднял руку — и

ть поднялась вместе с ним. Но когда он опустил руку, тень, на долю мгновения, задержалась. Она повисла в воздухе, как оторванный лоскут, и только потом упала обратно на ковёр.

Кристиан моргнул. Он не поверил своим глазам, но и не испугался. Он просто смотрел на тень, затаив дыхание. Ждал. И когда тень снова повторила его движение, на этот раз идеально синхронно, он почувствовал что-то странное. Не радость, не страх, а что-то третье: смутную, едва уловимую связь, как будто его тень была не просто отражением света, а кем-то, кто сидел рядом с ним, смотрел на него и ждал, когда он заговорит.

— Привет, — прошептал Кристиан одними губами.

Тень не ответила. Но ему показалось, что она чуть заметно изменила форму, как будто повернулась к нему.

В гостиную вошёл Мелвин, с банкой пива в руке, и включил телевизор. Зазвучали новости, перебиваемые рекламой мыла и стирального порошка. Дора поставила на стол тарелки с ужином. Кристиан смотрел на тень, а тень смотрела на него. Он улыбнулся — не так, как улыбаются дети, а робко, одними уголками губ, как будто пробуя улыбку на вкус.

— Ты там, — сказал он тихо-тихо.

Отец громко хрустел чипсами, мать помешивала суп в кастрюле. Никто не слышал его шёпота. Он был один, но не совсем. Впервые в жизни Кристиан почувствовал, что рядом с ним есть кто-то ещё. И этот кто-то не требовал от него улыбок, не хватал за плечи, не пытался заставить его играть с

дурацкими машинками. Он просто был. И его молчание было таким же тёплым, как свет лампы.

Тень лежала на ковре, рядом с пожарным грузовиком, и Кристиан знал: она никуда не уйдёт. Она будет ждать, пока он снова заговорит. И он заговорит, обязательно. Но только после того, как все уйдут спать, когда в доме погаснут огни, и останутся только они двое: мальчик и его тень, которая всегда следует за ним на шаг позади, будто не хочет его обгонять.

Будто боится его напугать.

Но Кристиан не боялся. Он встал с ковра и пошёл на кухню, молча сел за стол, взял ложку и стал есть картофельное пюре, не глядя на мать, не глядя на отца. Он жевал, и где-то на периферии сознания, за спиной, он чувствовал, как тень тоже садится на его стул, невидимая, но настоящая, и ждёт, пока он доест, чтобы снова заговорить с ней. Потому что теперь у него был друг. Единственный друг, с которым ему не нужно было играть, чтобы быть вместе.

Впервые за три года своей жизни Кристиан Спенсер не чувствовал себя одиноким. Он чувствовал себя странно полным, как будто кто-то наполнил его изнутри тёплым воздухом. И этот воздух был его тенью, которая дышала в такт с ним, только чуть-чуть запаздывая. Чуть-чуть, но этого было достаточно, чтобы навсегда изменить его детство.

Годы шли, но в доме на Лейквью-драйв время словно застревало в липкой паутине. Обои выцвели, запах лука про-

питал даже одежду, а тишина между людьми стала гуще и тяжелее. Кристиан рос, и вместе с ним росла пустота внутри. Она ширилась, занимая место, которое у других детей заполняли смех, болтовня и глупые ссоры с родителями. Его молчание из странности превратилось в приговор.

Кристиану исполнилось шесть лет, но он почти не заметил этого. День рождения прошёл так же тихо, как и все остальные дни: мать купила торт в супермаркете — дешёвый, с задохшей розочкой из крема, — поставила на стол и зажгла одну свечу. Отец не пришёл, написал в сообщении: «Поздравь его там, задержусь». Кристиан сидел за столом, смотрел на свечу, которая оплывала и коптила, и не знал, что нужно делать. Он просто смотрел, как пламя колеблется от сквозняка, и чувствовал, как где-то в груди, под рёбрами, заводится та самая знакомая пустота.

— Давай, задувай, — сказала Дора, устало улыбнувшись. Улыбка получилась кривой, словно приклеенной. — Загадай желание, Кристиан.

Он задумался. Ему ничего не хотелось. Он набрал воздуха в лёгкие, дунул, и свеча погасла вместе с тонкой струйкой дыма. Дора хлопнула в ладоши, но хлопок вышел глухим, как по вате. Торт остался стоять нетронутым. Кристиан вскоре ушёл в свою комнату, лёг на кровать и стал ждать, когда тень вылезет из угла. Она всегда появлялась, когда он оставался один. Сегодня она пришла быстрее: чёрный силуэт медленно отделился от стены, шагнул вперёд и замер у

ножки кровати.

— Это был мой день рождения, — шепнул Кристиан.

Тень не ответила, но чуть качнулась, как будто кивнула. Он улыбнулся — впервые за весь день.

На следующее утро началась рутина. Завтрак был всегда один и тот же: холодная овсянка из микроволновки и стакан апельсинового сока, который Дора наливала так небрежно, что половина проливалась на стол. Кристиан ел молча, слушая, как отец шуршит газетой за соседним стулом. Мелвин пил чёрный кофе из большой кружки и не смотрел ни на жену, ни на сына. Газета была развёрнута так, что закрывала его лицо, как ширма.

— Мелвин, — начала Дора, поставив тарелку на стол, и голос у неё был осторожный, как у человека, который сто раз наступал на одни и те же грабли. — Нам надо поговорить о школе. Учительница вчера звонила. Говорит, Кристиан опять ни с кем не разговаривает. Сидит один, смотрит в стену. Она считает, нам надо, может, к специалисту...

— К какому ещё специалисту? — Мелвин перевернул страницу, не поднимая головы. — Он не дерётся, не орёт, читает нормально. Пусть спасибо скажет и отстанет.

— Но он вообще ни с кем не общается, Мел! — у Доры сорвался голос. — Ему шесть лет, а он сидит и молчит, как... как неживой. Ты вообще слышишь, что я тебе говорю?

Мелвин отложил газету и наконец поднял глаза. В них не было злости — только сухая, холодная усталость.

— Если он молчит, значит, ему есть о чём помолчать. Ты целыми днями дома. Ты с ним. Вот и разбирайся. А у меня работа, люди, квартальный отчёт. Я не могу ещё и это на себе тащить.

— Я не хочу, чтобы он был один, — сказала Дора, и голос её дрогнул. Она посмотрела на Кристиана, который сидел неподвижно, уставившись в пустую тарелку. — Ты не видишь? Его как будто... как будто здесь вообще нет.

— Если его здесь нет, значит, ты что-то делаешь не так, — холодно отрезал Мелвин. — Но кто виноват, я разбираться не собираюсь. Ты дома, ты с ним, ты и решай. У меня работа.

Он встал, накинул пиджак и вышел, даже не попрощавшись. Хлопнула входная дверь, и в доме стало тихо. Тишина была тяжёлой, как мокрое одеяло. Дора стояла у стола, сжимая край столешницы, и Кристиан видел, как белеют её костяшки. Она дышала через раз, короткими рывками, как будто ей не хватало воздуха.

— Ты слышал его? — сказала она, ни к кому не обращаясь. — Он всегда так. Всегда.

Кристиан молчал. Он смотрел на тень матери, которая дрожала на стене рядом с ней. Тень Доры была обычной, она двигалась синхронно с ней. Но он заметил, что когда Дора сжала кулаки, её тень сделала это чуть раньше, будто предугадывая. Он перевёл взгляд на свою тень. Она лежала у его ног, неподвижная, и ждала.

— Я не знаю, что делать, — прошептала Дора. — Я не

знаю, как до тебя достучаться, Кристиан. Ты ведь слышишь меня? Ты видишь меня?

— Вижу, — ответил он, глядя в свою тарелку.

— Тогда почему ты молчишь? Почему не скажешь, что тебя беспокоит? Может, если бы ты сказал, я бы смогла...

— Ничего не беспокоит, — перебил он. Голос был ровный, безэмоциональный. — Я в порядке.

Дора закрыла глаза. Она провела ладонью по лицу, будто стирая что-то невидимое, и пошла к раковине. Кристиан слышал, как она включила воду, как заскрежетал нож по доске. Но он знал, что она не резала овощи — она просто давила на нож, чтобы не разрыдаться. Он знал это, потому что видел, как её плечи начали мелко дрожать. И он молчал, потому что не знал, чем помочь. И не чувствовал, что должен помочь. Пустота внутри была привычной, как старая ранка, которая не болит, но всегда напоминает о себе.

Прошли месяцы. Зима сменилась весной, весна — летом, но ничего не изменилось. Семейные ужины становились всё короче. Мелвин приходил поздно, почти всегда выпившим, но не пьяным — он пил ровно настолько, чтобы оставаться холодным и собранным. С ним невозможно было спорить. Он говорил медленно, чеканя каждое слово, и если Дора пыталась возразить, он просто повышал голос на полтона, и она замолкала. Кристиан смотрел на это, сидя на своём стуле, и чувствовал, как с каждым днём его тело становится всё легче, как будто он превращается в пустую оболочку.

Однажды вечером, когда Мелвин не пришёл домой до десяти, Дора сорвалась. Она стояла у кухонного стола, держа в руке мобильный телефон, и слушала гудки. Трубку никто не брал. Она нажала отбой, потом снова набрала, потом снова. На четвёртый раз она резко швырнула телефон на стойку. Аппарат звякнул и упал на пол.

— Да не берёт он! — закричала Дора, не оборачиваясь. — Никогда не берёт! Я для него — голос из прошлого, который можно просто не замечать!

Кристиан сидел в гостиной на диване, забившись в угол. Он смотрел на неё через арку, которая разделяла кухню и гостиную. Свет падал на спину Доры, и её тень на стене была огромной, расплывчатой, как у монстра. Но монстр плакал. Она сжимала край стойки так сильно, что костяшки побелели, и по щекам текли слёзы.

— Я больше не могу, — прошептала она, уже не крича. — Я устала. Я так устала, Кристиан. Ты даже не представляешь, как я устала.

Он понимал. Он понимал больше, чем она думала. Он видел, как она встаёт в шесть утра, как моет посуду, пока отец смотрит телевизор, как пытается улыбаться, когда тот заходит на кухню, и как эта улыбка гаснет, когда он проходит мимо. Он видел всё. Но он не мог ничего сделать. Внутри не было инструментов для этого: ни жалости, ни тепла, ни даже обычного детского желания обнять. Он знал, что должен чувствовать что-то, но чувствовал только пустоту, которая

пульсировала в такт с его сердцебиением.

— Почему ты не помогаешь мне? — вдруг спросила она, повернувшись к нему. В голосе появилась злость, резкая, как осколок стекла. — Ты такой же, как он, да? Ты просто сидишь и смотришь, как я разваливаюсь на куски!

Кристиан не ответил. Он смотрел на её тень, которая дрожала на стене, и думал, что если бы у него была своя тень, она бы сейчас сидела рядом с ним и смотрела на всё это без всяких эмоций. Его тень всегда была с ним, и она никогда не требовала, чтобы он что-то делал.

— Ты слышишь меня?! — закричала Дора, подбежав к нему и схватив за плечи. Её пальцы впились в кожу, и он почувствовал боль — физическую, настоящую. — Ответь мне! Скажи хоть что-нибудь!

— Я тебя слышу, — сказал он спокойно. — Я здесь.

Она замерла. Её руки разжались, и она отшатнулась, как будто её только что ударили. Слёзы текли по её лицу, смешиваясь с тушью, и она выглядела страшной, чужой, незнакомой.

— Я не хотела, — прошептала она, отступая назад. — Я не хотела тебя пугать. Прости. Прости меня, маленький...

Она выбежала из гостиной, и через секунду Кристиан услышал, как хлопнула дверь в спальню. В доме снова стало тихо. Он сидел на диване, чувствуя, как под футболкой горят следы от её пальцев. Он не плакал. Он смотрел в угол, где его тень, наконец, отделилась от его тела и медленно пополз-

ла по стене, как будто проверяя, не причинил ли ему кто-то вреда. Она добралась до его ног, легла рядом и замерла. Он чувствовал её присутствие, как чувствуют холодный ветер из открытого окна.

— Она не хотела, — сказал он себе, не вслух, а мысленно. Но тень, казалось, услышала. Она слегка качнулась, как будто соглашаясь.

С этого дня Кристиан стал замечать, что его родители всё чаще говорят о нём, как о проблеме. Не как о сыне, а как о препятствии. Когда Мелвин возвращался домой, он не здоровался, не спрашивал, как прошёл день. Он смотрел на Кристиана и говорил:

— Ты поел? Уроки сделал? — и, услышав «да», проходил мимо, словно это был отчёт о выполненной работе. Отец не видел в нём человека. Он видел обязанность, которую нужно закрыть.

Дора пыталась быть мягче, но её нервы были натянуты до предела. Однажды она пришла с работы (она устроилась на полставки в местный офис, чтобы хоть немного отвлечься) и обнаружила, что Кристиан не сходил в магазин за хлебом, как она просила. Она стояла на пороге, держа в руках сумку с продуктами, и смотрела на него.

— Я же просила тебя, — начала она, и голос её задрожал. — Я просила тебя сходить за хлебом, Кристиан. Всего один раз. Ты не мог сделать это для меня?

Он не ответил. Он смотрел в окно, на улицу, где дети из

соседних домов играли в мяч. Он не понимал, почему хлеб так важен. Ему не хотелось никуда идти. Ему хотелось сидеть и смотреть, как солнце садится за деревья.

— Ты всегда так, — голос Доры сорвался на крик. — Ты никогда не слушаешь! Ты как каменный, как будто тебя вырезали из дерева! Я пытаюсь, я правда пытаюсь быть хорошей матерью, но ты не даёшь мне ни единого шанса!

Кристиан повернулся к ней. В его глазах не было ни вины, ни злости. Только странная, пустая ясность.

— Я забыл, — сказал он.

— Забыл?! — она почти задохнулась. — Обо мне? О том, что я прошу? Ты вообще меня видишь?!

Он посмотрел на неё. Долго. Спокойно.

— Я не виноват, — тихо сказал он, и это было первое, что он произнёс, осознавая смысл этих слов. — Я не виноват, что ты устала.

Дора замерла. Её лицо исказилось, она хотела закричать, но не смогла. Пальцы разжались, и сумка с продуктами упала на пол. Яблоки покатались по линолеуму, и одно из них остановилось у ног Кристиана. Он посмотрел на яблоко, потом на мать. Она закрыла лицо руками и разрыдалась — громко, навзрыд, уже не сдерживаясь.

Он не подошёл. Он не обнял её. Он пошёл в свою комнату, закрыл дверь и лёг на кровать, глядя в потолок. Тень скользнула по стене и уселась на краю его кровати, рядом с ним.

— Она опять плачет, — сказал он шёпотом.

Тень качнулась. Или ему показалось. Но он знал: что бы ни случилось, тень будет с ним. А родители — они были как два поезда на разных рельсах, которые когда-то сошлись в одной точке, но теперь расходились всё дальше. И Кристиан был той стрелкой, которая ещё держала их вместе, но эта стрелка была уже ржавой, и каждый день она скрипела всё громче.

Он не знал, что их брак держится только на нём. Но он чувствовал это каждой клеткой своего тела. И это чувство было тяжелее, чем любая вина. Тяжелее, чем одиночество. Это была обязанность, которую он не просил, но которая лежала на нём, как камень на груди. И каждый день этот камень становился всё тяжелее. А его тень сидела рядом, тёплая и молчаливая, и ждала, когда он скажет ей, что его сердце — это не сердце, а пустой колодец, в котором тонут все звуки и все чувства. Он не знал, сколько ещё сможет это выдерживать.

Но он знал одно: когда он в следующий раз заговорит, это будет не с отцом и не с матерью. Это будет с тенью. Потому что только она не ждала от него того, чего он не мог дать.

Глава 2. Круги ада

Школа оказалась огромной. Кристиан стоял на пороге класса, сжимая лямку рюкзака, и смотрел на комнату, заполненную чужими лицами. Двадцать пар глаз уставились на него — одни с любопытством, другие равнодушно, третьи с лёгкой усмешкой, будто он был клоуном, который забыл надеть красный нос. Пахло мелом, лаком для волос и дешёвой краской — этот запах въестся в память на долгие годы.

Учительница, миссис Эванс, молодая женщина с рыжими волосами, стянутыми в тугий пучок, улыбнулась ему и указала на пустую парту в среднем ряду.

— Так, ты у нас Кристиан, да? Проходи, садись. Вон твоё место, у окна.

Он прошёл, сел. Положил руки на парту и уставился в доску. Рюкзак бросил на пол у ног. Дети вокруг зашептались: кто-то разглядывал его, кто-то толкнул соседа локтем и кивнул в его сторону. Кристиан не обернулся. Он смотрел на свет, падающий из окна, и на свою тень, лежащую на парте. Она была ровная, спокойная, и он чувствовал её, как тепло батареи.

— Ребята, у нас новенький, — объявила миссис Эванс. — Его зовут Кристиан. Давайте дружно здороваемся, не будем дикарями.

Класс хором, но без всякого интереса, протянул: «При-

ве-ет, Кристиан». Он не ответил, только моргнул. Миссис Эванс чуть замешкалась, но быстро переключилась на урок. Она начала рассказывать про буквы, про цифры, про то, как правильно держать ручку. Кристиан слушал, но слова проваливались в пустоту, как камни в колодец, и не возвращались. Он вертел в пальцах ручку, разглядывал её блестящий бок, но не понимал, зачем ею писать. Чтобы что-то кому-то доказать? Чтобы похвалили? Ему было всё равно.

На первой перемене дети выбежали в коридор, и класс опустел. Кристиан остался сидеть. Он смотрел в дверной проём, где мелькали фигуры, слушал крики, смех, топот. Всё это было чужим, как звуки из телевизора в соседней комнате. Он не понимал, зачем они бегают, зачем орут, зачем хватают друг друга и валятся на пол. Ему не хотелось бежать. Ему хотелось сидеть здесь, смотреть на свет и ждать, когда всё закончится. Тень на парте шевельнулась — едва заметно, только для него. Он покосился на неё и мысленно сказал: «Они странные». Тень не ответила, но её край дрогнул, будто соглашаясь.

Вторым уроком было рисование. Миссис Эванс раздала белые листы и сказала:

— Рисуем свою семью. Маму, папу, себя — как умеете, не важно, лишь бы от души.

Кристиан уставился на белый лист, на карандаш — и замер. Он подумал о доме, о маме, о папе, но они не складывались в картинку. Лица были, но плоские, как старые фото-

графии. Он взял карандаш и провёл линию. Потом ещё одну. Потом ещё. Через пять минут на листе был просто хаос из чёрных штрихов, пересекающихся без смысла и формы.

— Кристиан, — миссис Эванс подошла сзади и заглянула ему через плечо, — а где твоя семья? Маму с папой не хочешь нарисовать?

— Я их нарисовал, — сказал он, не поднимая головы.

Она наклонилась ниже, всмотрелась в его каракули и улыбнулась, но улыбка вышла натянутой.

— А-а, поня-ятно. Может, тебе просто нравится такое... такое современное рисовать, да? Ладно, молодец.

Она потрепала его по плечу и отошла. Кристиан не понял, что она имела в виду, но почувствовал: его ответ был неправильным. Он посмотрел на листок, на тень рядом, и подумал: «Она тоже не понимает». Тень качнулась. Он был прав.

Прошли недели. Кристиан приходил в школу, садился за парту, выполнял задания, если они не требовали от него слов или жестов, и уходил домой. На переменах он сидел на скамейке в углу двора, сложив руки на коленях, и смотрел, как другие носятся в догонялки. Однажды к нему подошёл мальчик в синей футболке, конопатый, с облупленным носом, и спросил:

— Ты чё не играешь? Сидишь тут один всё время.

Кристиан поднял глаза. Мальчик смотрел выжидательно. Кристиан не знал, что ответить. Он просто смотрел, как смотрят на незнакомый предмет, который не вызывает ни

интереса, ни страха.

— Ну? Ты говорить-то умеешь?

— Не хочу, — тихо ответил Кристиан.

Мальчик пожал плечами, хмыкнул и убежал.

Через несколько дней он вернулся — уже не один, а с двумя друзьями. Они встали перед Кристианом, переглянулись и заухмылялись.

— Смотри, опять сидит.

— Эй, ты чё, немой, что ли?

— Скажи чего-нибудь, а? Ну скажи.

Кристиан молчал. Он смотрел на их тени, которые дёргались на песке, — все трое двигались синхронно, предсказуемо, скучно. Его собственная тень лежала у ног, спокойная и неподвижная.

— Да он тупой просто, — сказал один. — Тупой и всё.

Они заржали и убежали. Кристиан не почувствовал обиды. Он знал, что они говорят о нём, но это не имело значения. Тень на песке чуть изогнулась, и ему показалось, что она шепнула: «Они не опасные. Просто глупые. Молчи — и они отстанут». Он остался сидеть. Через минуту мальчикам надоело. Кристиан смотрел им в спины и думал: «Они, наверно, правы. Я тупой. Я не умею играть. Но мне всё равно». И это «всё равно» было как стена, за которой он прятался.

Осень сменилась зимой. Дети перестали подходить с вопросами — они просто игнорировали его, обтекали, как вода обтекает камень. На уроках он отвечал, только когда вы-

зывали, и ответы были короткими и правильными, но мёртвыми. Он решал примеры быстрее других, читал бегло, но когда спрашивали, что ему нравится или о чём он думает, он замолкал. Миссис Эванс всё чаще оставляла его после уроков.

— Кристиан, ну ты же умный мальчик. Учёба у тебя отлично идёт. Но почему ты ни с кем не дружишь? Ты стесняешься? Боишься?

— Не-а, — отвечал он.

— Тогда в чём дело? Может, тебя кто-то обижает?

— Никто не обижает. Я просто не хочу.

Она вздохнула и отпустила его. Каждый раз — та же стена.

Однажды на физкультуре, во время эстафеты, кто-то на бегу толкнул Кристиана в спину, и он упал, ободрав ладони об асфальт. Мальчик, который его толкнул, замер, оглянулся на учителя и громко крикнул:

— Я не виноват! Он сам под ноги подвернулся!

Кристиан медленно встал, посмотрел на ладони — из ссадин сочилась кровь, тёплая и красная. Он не заплакал. Просто смотрел, как она растекается по коже. Учитель физкультуры подбежал, осмотрел руки, повёл в медпункт. Медсестра, полная женщина с добрым лицом, обрабатывала рану и спросила:

— Ну как, больно, герой?

— Не-а, — сказал Кристиан.

— Надо же, какой смелый. Другие бы уже ревели в голос.

Он не понял, при чём тут смелость. Он просто не чувствовал боли — ну, почти. Тень в углу медпункта дрогнула, и он услышал внутри голос — тише шёпота, но отчётливее мысли: «Они всегда будут толкать. Всегда будут делать больно. Если покажешь, что тебе больно, будут делать снова. Молчи. Не показывай».

Кристиан вернулся в класс. Миссис Эванс, узнав о случившемся, подошла и присела рядом.

— Кристиан, я поговорю с тем мальчиком. Он больше тебя пальцем не тронет. Но ты запомни: если кто-то тебя обижает, ты должен мне сказать. Обязательно. Обещаешь?

— Ага, — сказал он.

Но он не собирался ничего говорить. Он знал: скажешь — засмеют ещё громче. Тень на полу у его стула лежала тихо, и он чувствовал: она понимает. Слова — это слабость. Молчание — сила.

Зима кончилась, началась весна. Кристиан сидел на той же скамейке, но теперь он реже смотрел на игры — он смотрел в небо, на облака, медленные, как тени на траве. Иногда он разговаривал с тенью, но всё чаще она говорила с ним сама. Голос был его собственный, но чуть холоднее, чуть дальше — будто чужой.

— Они смеются, потому что ты другой, — шептал голос по дороге домой. — Ты видишь то, чего они не видят. Ты слышишь то, чего они не слышат. Они боятся того, чего не понимают. Поэтому они будут толкать, бить, обзывать. По-

ка ты молчишь — ты сильнее. Ты для них — как стекло, о которое можно только порезаться.

Кристиан шёл по тротуару, глядя на тень — длинная, тонкая, как стрелка часов, она тянулась за ним след в след.

— Я не хочу, чтобы они меня ранили, — подумал он.

— Тогда не показывай, что тебе больно. Никогда. Они не стоят твоих чувств. Ты выше их.

Кристиан остановился у калитки своего дома и посмотрел на тень на асфальте. Она была идеальной копией его силуэта, но когда он шагнул вперёд, она задержалась на долю секунды — будто проверяла, не свернёт ли он. И в этот миг он понял: тень не предаст. Родители — могут. Учительница — не поймёт. Дети — тем более. Только тень. Только голос внутри.

Он вошёл в дом, услышал, как мать говорит с отцом по телефону — голос усталый, напряжённый. Кристиан не зашёл на кухню. Поднялся к себе, сел на кровать и посмотрел на тень, которая легла на стену напротив.

— Завтра опять в школу, — сказал он вслух.

Тень не ответила, но качнулась. Он знал: завтра он будет молчать. Будет сидеть на скамейке. Будет смотреть в небо. И если кто-то толкнёт — он упадёт, встанет и не скажет ни слова. Потому что слова — это мост к людям, а ему не нужен этот мост. Ему нужна тишина. Пустая и безопасная.

И голос, который теперь всегда был с ним, прошептал:

— Правильно. Мы будем молчать. Мы будем ждать. И однажды они увидят: мы сильнее, потому что мы в них не нуж-

даемся.

Средняя школа встретила Кристиана запахом старого линолеума, хлорки и пота. Коридоры были шире, чем в начальной, но казались теснее из-за толпы: сотни подростков носились туда-сюда, орали, ржали, хлопали друг друга по спинам, толкались рюкзаками. Кристиан стоял у своего нового шкафчика — железного, с облупившейся синей краской и ржавым замком — и пытался запомнить комбинацию цифр, которую ему выдали на входе. Пальцы дрожали. Не от страха — от перенапряжения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.